

22. *Маленький домик* - флигель дома О.К.Гориневской, купленный Маргаритой Владимировной в 1927 г. для собственной дачи, позже подарен дочерью уроженцу этих мест В.Ф.Родионову. Сейчас на домике мемориальная доска с надписью "Домик детской писательницы Маргариты Владимировны Алтаевой-Ямщицкой (Ал.Алтаева). В нем она жила летом и работала с 1927 по 1958 год".
23. Дочь О.К.Гориневской, Ксения, в 1936 (?) г. уехала в Берлин к отцу для лечения открывшегося туберкулеза.
25. О. Большеве см.: Ал.Алтаев. Гдовщина (другие главы). Будучи райисполкомовским работником, пытался накануне войны выполнить указ о ликвидации хуторов - снести Лог и полуторастолетний усадебный дом. Дом и Лог спасла тогда Маргарита Владимировна, обратившаяся к Жданову.

Почетный гражданин Пскова

В ноябре 1995 г. ушел из жизни Борис Степанович Скобельцын - архитектор, реставратор, художник, истинный патриот Отечества, земли Псковской. В 50-е гг. приехал Борис Степанович на Псковщину и остался здесь навсегда. Более 40 лет поднимал из руин, возрождал, воссоздавал по камешку и кирпичику древнюю красоту нашего края - храмы, башни, часовни, усадьбы - все то, что украшает и духовно обогащает жизнь людей.

В год 50-летия победы над фашизмом Ученый Совет Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова предложил представить Б.С.Скобельцына - участника Великой Отечественной войны - к званию "Почетный гражданин г.Пскова", что и было сделано Администрацией города. Это явилось данью уважения и признательности его гражданского подвига. А спустя четыре месяца Бориса Степановича не стало...

В декабре 1995 г. опять же Ученый Совет педагогического института вышел с ходатайством перед Администрацией Пскова об установлении на доме № 40 на Октябрьском проспекте, в котором жил Б.С.Скобельцын, мемориальной доски. Она была открыта в апреле 1996 г. - в дни празднования 50-летия псковской реставрации.

Памяти Б.С.Скобельцына

Я БЛИЗКО знал Бориса Степановича. Много с ним разговаривал, смотрел его выставки, фотографии, любовался и восхищался ими. Но только после его смерти я как-то особенно остро и осязаемо понял, душою почувствовал, кем он был для Пскова, как много потеряла Псковская земля с его кончиной.

Величие и красоту Псковской земли навечно запечатлел он в своих замечательных фотографиях. Его альбомы Пскова и Псковской области несравненны. Они давно уже стали недоступной и желанной редкостью. Их ценят не только у нас в стране, но и за ее рубежами. Без красок (Скобельцын был принципиальным противником цветной фотографии, считая ее псевдокрасивой, в чем-то унижающей предмет изображения), она была исполнена сдержанной, суровой поэзии. В них была не внешняя, а внутренняя, глубинная красота, самый дух изображаемого, его душа и сердце. То же можно сказать и о его многочисленных выставках: старого и нового Пскова, помещичьих усадеб, старинных и прекрасных, других разнообразных памятников Псковщины. В этих выставках - зримая история Пскова, его исторического богатства, его неизвестной до того красоты.

Но Борис Степанович оставил для нас и для наших потомков не только удивительные и прекрасные лики псковских памятников, но и лики псковских (и не только псковских) людей. Его человеческие изображения на фотографиях чем-то напоминают иконы. Они исполнены святости. И тем обиднее, что о них знают меньше, чем о фотографиях вещественных памятников. Они достойны того, чтобы о них знали. На них изображены частные лица. Но какие лица! Фотография Творогова - ревнителя псковских древностей, удивительная по своей чистоте и красоте. Ее подарил Скобельцын Пушкинскому Дому, работникам древнерусского сектора. И она висит там на видном месте, как и должно висеть что-то важное и очень ценное. Фотография Творогова работы Скобельцына висит и в кабинете литературы Псковского педагогического института. Ее тоже подарил нам Борис Степанович, и мы очень гордимся этим подарком.

Среди фотографий замечательных людей, сотворенных Скобельцыным, фотографии ученых: его дяди академика Скобельцына, замечательного ученого и человека академика Капицы, академика Семенова, недавно названного "человеком года" Дмитрия Сергеевича Лихачева, Л.А.Дмитриева, Руфины Дмитриевой и т.д. С этих и других подобных фотографий смотрят на нас удивительные и прекрасные лица - истинный цвет русской интеллигенции.

А рядом с ними, не менее замечательные и драгоценные, фотографии

Маймин Евгений Александрович - доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного педагогического института им.С.М.Кирова, заслуженный деятель науки РСФСР, член Союза писателей России.

так называемых “простых людей”. Простых - и величественных, простых - и удивительных. Кузнецов, мастеровых, пахарей, рабочих. Портреты разных людей - но одинаково причастных к прекрасному и вечному. Смотришь на эти портреты и думаешь: какие замечательные лица, лица, богом сотворенные, какая великая правда и красота за ними скрыта. Понимаешь, что лица эти воссозданы с великой любовью. Это не просто фотографии, это даже совсем не фотографии: это портреты, созданные художником.

Скобельцын был поистине художником и поэтом. Во всех своих работах. Он был во всем по-художнически и по-человечески заинтересованным и увлеченным.

Мы довольно часто встречались. Мне хочется думать, встречались и радовались друг другу. И каждый раз при встрече я видел его взволнованным чем-то, беспокоящимся и беспокойным, он находился в постоянном волнении. Часто он был сердитым. Он был похож на ребенка: непосредственным, доверчивым, импульсивным - и нередко сердитым. Его сердило равнодушие - сам он никогда не был равнодушным, - его сердило действительное или кажущееся равнодушие властей, сердило все то, что содействовало разрушению русской культуры. Он прекрасно говорил, был красноречивым оратором. Писал он хуже. Думаю, потому, что чувства его были слишком непосредственны, они у него всегда были “наготове”, и в его речах они выливались сразу, без подготовки, без заботы о красноте, как бы экспромтом - и именно поэтому его так хорошо, так внимательно и с увлечением слушали. Равнодушных, когда он говорил, не было, с ним соглашались, не раздумывая. Он и говорил, как художник, как поэт: взволнованно и волнуя.

Он был очень красив. Высокий, темноволосый (а потом с густыми, длинными и красивыми седыми волосами), всей своей фигурой как бы устремленный вперед. Его любили женщины. В середине 60-х годов в Пскове, на базе педагогического института, проходила Всесоюзная пушкинская конференция. Собралось много людей, из разных городов - среди них и женщин. Проводились заседания с чтением научных докладов, проводились экскурсии по памятным псковским местам. Экскурсии проводил Б.С.Скобельцын. Незабываемые экскурсии. Ими восхищались. Восхищались красотой неизвестных прежде памятников, не менее того восхищались и экскурсоводом. Женщины особенно восхищались.

После конференции я стал получать много писем. От женщин. Письма содержали в себе любовные признания. Они были обращены не ко мне, а к Скобельцыну. А я служил в качестве посредника, передаточного звена. Я должен был сообщать Борису Степановичу о тех чувствах к нему, которые содержались в письмах. Я это и делал. Слушая меня, он ухмылялся, как если бы все это было шуткой. Но был доволен.

Было время, когда в Псков довольно часто приезжал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он познакомился с Борисом Степановичем. Помню, как в один из приездов Лихачева Борис Степанович познакомил его с только что реставрированным храмом Николы со Усохи. По-особенному красивым и величественным храмом. В его реставрации принимал участие и Скобельцын. Он тогда даже ключи от храма носил с собою.

Храм был совершенно пустой, как бы обнаженный, и это только усиливало его первозданную красоту и величие. Борис Степанович водил Лихачева в храм по несколько раз в день. Он показывал его в разном освещении, так что храм являл собою все новую и неожиданную красоту. Д.С.Лихачев радостно удивлялся, а Б.С.Скобельцын торжествовал. Он не только показывал красоту, но был как бы хозяином этой красоты, ее творцом.

В последний раз я разговаривал с Борисом Степановичем за день до его смерти. Он лежал в той же больнице, где лечился и я, только этажом выше. В большой отдельной палате. Я пришел туда, и он долго ничего не говорил, молча смотрел на меня. Но он был в полном сознании. Когда он заговорил, он сказал, что он два месяца ничего не ел, что у него неизлечимая болезнь печени и поджелудочной железы и что жить ему осталось не более двух дней. Он говорил это ровным голосом, спокойно. Он страдал, но он не боялся.

На следующий день после нашего разговора он умер. При его смерти присутствовали его дочь и его друг художник. Художник рассказывал: Борис Степанович уже был без сознания, лежал с закрытыми глазами. Так долго продолжалось. Потом неожиданно он открыл глаза и сказал: "Подложите мне подушку. Мне надо повыше. Выше..." И замолчал. Навсегда.